

Поэтому после замужества, даже когда отношения с Цзян Фанчжоу упали до ледяной точки, она всё равно выдерживала давление и продолжала отправлять деньги в родительский дом. Даже зная, что у Цзян Фанчжоу на стороне есть кто-то, она каждый день пряталась в комнате и плакала в одиночестве, но ни за что не смела разводиться.

Именно так, тысячу раз защищаясь, она в итоге не смогла остановить смерть своего брака, и самое пугающее — последующая цепная реакция появилась, как и ожидалось.

Родители, которые с трудом стали относиться к ней немного теплее после замужества, снова стали к ней равнодушны.

С ребёнком на руках Ли Юэлин на время была очень растеряна, не зная, где её будущее.

Иногда она думала, что хочет своими силами дать ребёнку немного пространства для передышки. Но это было слишком трудно. Поскольку она всё время занималась домашним хозяйством и редко выходила наружу, она слишком оторвалась от этого общества. Она не знала, как пользоваться косметикой, почему женщины носят юбки, выставляя напоказ белые бёдра, почему мужчины красят волосы в разные цвета, что такое акции, что такое «пять страхов и один фонд», что такое фьючерсные инвестиции — она обо всём этом не имела понятия.

Она несколько раз пробовала найти работу, но из-за неграмотности лёгкие места не хотели её брать, а слишком тяжёлые, такие как официантка или мойщица посуды, продавщица — Ли Юэлин, которой дома когда-то служили несколько горничных, просто не могла заставить себя опуститься до этого.

Со временем эта мысль о самостоятельной борьбе постепенно угасла. Кроме того, деньги, которые Цзян Мэнлинь каждый месяц давал ей, хотя и не позволяли покупать какие-то крупные предметы роскоши, но поддерживали уровень жизни примерно такой же, как при замужестве. За исключением того, что дома не было горничной и мужа, который каждый день не возвращался домой, Ли Юэлин не чувствовала особых изменений в жизни.

Всё, казалось, медленно налаживалось... пока... она не выдержала и снова съездила в тот родной дом.

Совершенно иной пылкий приём родителей без всяких неожиданностей одурманил её разум, и Сюй Хуасю логично вошла в дом и стала жить с ними.

Ли Юэлин на самом деле очень хорошо понимала, что не должна так бесплатно содержать этого ленивого дальнего родственника, но ей было неловко сказать что-то, что могло бы задеть чувства. Хотя из-за появления Сюй Хуасю её жизнь стала гораздо стеснённое в средствах, Ли Юэлин совсем некуда было пойти рассказать о своей обиде.

Сыну? Ей ещё нужно лицо или нет? Изначально этого родственника она сама по своей воле привезла обратно, что она теперь может сказать?

Родителям? Боясь, что в следующую секунду они начнут ругать её матом, называя «убыточным товаром»?

Ли Юэлин могла только возложить надежды на те деньги на жизнь, которые сын каждый месяц в начале месяца переводил домой.

О вопросе аренды она никогда даже не думала.

Вплоть до этого момента она по-настоящему осознала, что это пространство, которое служит ей укрытием от ветра и дождя, на самом деле ей не принадлежит...

В момент, когда она повесила трубку после разговора с Сун Цинсюем, матушка Цзян нашла телефон сына и набрала его номер. Ждала целых две минуты, но никто не отвечал.

Матушка Цзян наконец пришла в себя: сын в этот раз действительно был обижен.

Цзян Мэнлинь разбудил звук телефона. Он взглянул на экран вызова: это был номер матери из города Н. Он просто засунул телефон под подушку, делая вид, что не слышит.

Сун Цинсюй уже встал, в одеяле был только он один, подушка тоже была холодной — видно, он ушёл уже давно.

Цзян Мэнлинь, свернувшись калачиком на кровати, начал сомневаться в своём крепком и сладком сне прошлой ночью. Это было совсем неправильно, как можно спать так сладко? Неужели атмосфера в армии слишком честная и прямая?

Вдали неясно слышались лозунги тренировки, Цзян Мэнлинь потянулся, швырнул всё ещё вибрирующий телефон под кровать, прищурился и хотел поспать ещё раз.

Не знаю, сколько времени прошло, дверь общежития скрипнула и открылась, веки Цзян Мэнлиня шевельнулись, но он не открыл глаз, услышав тихий звук кого-то, кто на цыпочках вошёл в комнату.

Носом почувствовал лёгкий запах еды, затем на столе у кровати услышал тихий звук ударов, дверь ванной открылась, затем послышался шум льющейся воды.

Цзян Мэнлинь открыл глаза, на столе над головой стоял контейнер из нержавеющей стали для еды. Он полез, плотно укутавшись в одеяло, протянул руку, притянул к себе и открыл: это была полная большая миска с пельменями. Белые и мягкие лепёшки теста обнимали пухлую начинку, смешанную с небольшим количеством перца чили и уксуса, запах был невероятно вкусным.

Цзян Мэнлинь прищурился, довольный, улыбнулся и прямо начал есть, подхватив зубами одно.

Шум воды прекратился, Сун Цинсюй вышел с куском горячего полотенца с синими полосками в руке, не удивившись, увидев, что Цзян Мэнлинь тайком ест, только слегка приподнял брови, подошёл к кровати и сел, забрав у него из рук контейнер.

Цзян Мэнлинь недовольно жевал и пялился на него.

Сун Цинсюй сразу же принялся вытирать ему лицо, сила была ни лёгкой, ни тяжёлой, щёки Цзян Мэнлиня двигались, он всё время чувствовал, что еда во рту вот-вот выдавится, и постоянно вертел головой, уклоняясь. Вытерев лицо, Сун Цинсюй схватил грязные лапы Цзян Мэнлиня и вытер их чистыми, и только после этого вернул контейнер ему в руки, в процессе не сказав ни слова.

Не знаю, иллюзия это или интуиция, но Цзян Мэнлинь почувствовал, что настроение у Сун Цинсюя немного нехорошее.

В чём дело?

Обнимая контейнер и глядя на спину Сун Цинсюя, Цзян Мэнлинь был немного озадачен. Сун Цинсюй редко выходил из себя, точнее, редко выходил из себя на него, пропитанный в костях идеей старшинства и низости, Сун Цинсюй относился к Цзян Мэнлиню с почти слепым доверием.

Кроме того, что не говорил, Сун Цинсюй выглядел так же, как обычно. Когда Цзян Мэнлинь доесть, он снова убрал вещи, вытер ему рот, наконец, достал свою толстую хлопковую куртку и набросил ему на плечи, торопя его встать и почистить зубы.

Когда он закончил приводить себя в порядок, прошло уже много времени, скоро было полдень.

Входная дверь с грохотом распахнулась, послышались шумные шаги, Чжоу Фукан и другие вернулись.

Бануха с головой, покрытой снежинками, всё время смеялся, голоса Чжоу Фукана и других время от времени раздавались, среди них неясно слышался отличный от мужского, нежный женский голосок.

Это же мужское общежитие, как сюда поднялась женщина-солдат?

Цзян Мэнлинь, почистив зубы, вышел из ванной комнаты и увидел женщину-солдата с милой стрижкой ученицы, которая кокетливо смеялась и сидела на кровати Чжоу Фукана.

Она была очень хороша собой, маленькое лицо с формой семечки, с двойными веками, большие глаза, черты лица очень объёмные, обладающая ошеломляющей красотой метиса. Глаза блуждали, в них была водянистая дымка, и в то же время было что-то наивно милое. Ромбовидные губы были накрашены розовой помадой, пара ивовых бровей изогнута, кожа тоже очень белая, хотя и немного худощавая, но не теряла способности вызывать у мужчин желание защищать. Увидев, что вышел Цзян Мэнлинь, она только бросила на него взгляд, затем удивлённо прикрыла рот рукой и засмеялась:

— О! Ты брат командира Суна?

Цзян Мэнлинь не пропустил след расчёта в её глазах. Эта женщина...

Он не хотел в редкий отпуск запутываться в лицемерии и хитрости, поэтому, ничуть не скрывая своего отвращения к ней, холодно кивнул, подошёл к кровати и начал перебирать свой багаж, затем нашёл принесённую с собой книгу по управлению бизнесом и начал читать.

Улыбка на лице Чжан Лины едва не сорвалась.

— Командир Сун... — Чжан Лина улыбалась кокетливо, но в глазах мелькали точки тьмы, если не присматриваться, было непросто заметить. Она окликнула Сун Цинсюя, в голосе звучала обида. — Твой брат такой холодный...

Она была самой красивой «военной цветочницей» во всей роте культурных работников тридцать пятого, никогда это милое лицо было популярным среди всех. Даже начальник Сун Цинсюя, самый суровый командир полка Лю в войсках, не мог серьёзно смотреть на её очаровательную улыбку. Чжан Лина когда-нибудь подвергалась такому пренебрежению?

С самого начала она положила глаз на Сун Цинсюя, эту акцию, которая была обречена на взлёт и процветание. Не говоря уже о том, что все давно обсуждают слухи, что у него наверху есть люди, только тот факт, что он в возрасте чуть за двадцать был назначен командиром роты

и произведён в капитаны, уже стоил того, чтобы она обратила на него внимание.

Родина Чжан Лины была в далёком Таримском бассейне, у Чжан Лины было хорошее лицо, общее для всех красавиц Синьцзяна, чёткие брови и глаза, высокий нос и широкий лоб, по сравнению с девочками из того же родного города она была умнее и красивее.

Отец Чжан Лины был местным известным баем, с детства семья была богатой, почти сорок лет ему не было, когда у неё родилась такая поздняя жемчужина в ладонях, ту всегда лелеяли как драгоценность на кончике сердца.

<http://bllate.org/book/16657/1526755>